

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Н.А. Комлева

**Комлева Наталья
Александровна**
доктор политических
наук, профессор,
заведующая кафедрой
истории политической
науки
факультета политологии
и социологии УрГУ

Геополитический процесс, так же как процесс жизни вообще, тесно связан с феноменом выживания. Есть некая «красная линия», предел уступчивости как индивида в его личной жизни, так и геополитического актора в рамках геополитического процесса, за которой – его разрушение вследствие несоблюдения собственных коренных интересов и потребностей. В случае государства такая «красная линия» проводится буквально – это его географическая граница, и ни одно государство не закладывает в свою конституцию право на сепарацию составных частей. Имеются и виртуальные, невидимые границы геополитических акторов – это пределы проникновения в их экономическое и информационное пространство. Нерушимость и рост совокупной мощи геополитического актора: экономической, военной, информационной, ментальной – залог не только его выживания, но и развития. Развитие геополитических акторов происходит единственным способом – посредством экспансии во всех возможных геополитических пространствах. Практика показывает, что чем больше совокупная мощь геополитического актора, тем более он стремится эту мощь увеличить, т.е. осуществить дальнейшую экспансию. О.Шпенглер утверждал, что экспансия – это тенденция всякой созревшей цивилизации и видел в этом нечто «демоническое и чудовищное», что заставляет служить себе независимо от того, хочет этого человек или нет, знает он об этом или нет.

Экспансия в форме силового захвата является традиционной для образования территориальных империй и экспансии в физическом пространстве. Однако этот метод по вполне понятным соображениям не применим ни к идеологическому, ни к информационному пространствам, и лишь условно может быть отнесен к пространству экономическому. Вследствие этого появляется понимание того, что пространством не обязательно владеть юридически,

вполне достаточно его контролировать в ключевых точках.

Исходя из реальной геополитической практики, можно подразделить методы контроля пространств на панельные (сплошной контроль соответствующего типа пространства, чаще всего закрепленный юридически) и точечные (контроль, осуществляемый только в ключевых точках). Сегодня, в эпоху чрезвычайной мощи как экономических, так и информационных негосударственных геополитических акторов (глобальные корпорации, СМИ), для реализации имперского проекта континентальной или глобальной экспансии вполне достаточно избирательного и активного осуществления точечного контроля пространств. Панельный контроль пространства может осуществлять лишь чрезвычайно мощный актор. Точечный контроль под силу даже негосударственным акторам.

Российский ученый А. Неклесса [Неклесса, 1999] полагает, что мир Нового времени (Модерна) безвозвратно уходит в прошлое, и на смену ему приходит Постмодерн, уничтожающий основные геополитические конструкции Модерна: национально-государственную систему международных отношений, международное право с принципом государственного суверенитета и классической экономикой. Классическая экономика заменяется «виртуальной экономикой финансовых технологий». Наряду с государством возникают в качестве равноправных такие акторы геополитики, как международные неправительственные организации (НПО) и транснациональные корпорации (ТНК). ТНК все чаще проявляют собственное целеполагание и могут вступать в конфликты с целыми географическими регионами.

В настоящее время ООН насчитывает 35 тыс. ТНК и 150 тыс. их филиалов. Таким образом, ТНК, которые сегодня все чаще называют глобальными корпорациями, в буквальном смысле слова охватывают весь мир. Годовой доход некоторых из этих корпораций вполне сравним с годовым доходом небольшой, а иногда и средней по размерам страны.

Неклесса выделяет еще один актор геополитики Постмодерна – «новые международные структуры власти», т.е. теневые структуры, в частности, мафию.

События 11 сентября 2001 г. присоединили к списку постмодернистских акторов геополитического действия террористические организации.

По мнению А.Неклессы, в геополитике эпохи Постмодерна могут терять значение традиционные представления о центрах силы и балансе сил, поскольку происходит перераспределение влияния

от государственно-политических центров силы к экономическим центрам силы типа Международного валютного фонда или Всемирного банка. В отличие от государств, экономические центры силы практически не поддаются контролю со стороны гражданского общества.

Экономические центры силы меняют не только геополитический ландшафт, их влияние приводит к тому, что «демократия как власть людей уступает место новой форме правления в экономическом мире: недемократической власти денег». Либерализм меняется, «приобретая нравственную глухоту и утрачивая терпимость». Реально складывающийся мировой порядок все больше проявляет себя как *Rex Economicus*. Мировые центры экономической силы создают новое поколение рычагов воздействия, позволяя планомерно и эффективно влиять на обстановку внутри конкретного государства или группы государств (в том числе и вопреки воле их населения). Контроль экономического пространства геополитического соперника уже недостаточно. Цель – изменение всей экономической конфигурации мира для доступа немногих к основным ресурсам и приоритетным формам деятельности.

Итак, мы видим, что, несмотря на разрушение традиционных территориальных империй, сама по себе имперскость не исчезла, но приобрела новые формы и новых акторов. Тем не менее, такой извечный геополитический актор, как государство, отнюдь, не уступает своих позиций в плане реализации имперских амбиций. Государства продолжают оставаться основными акторами геополитического расширения – если не непосредственно, то опосредованно: ТНК, глобальные корпорации или иные геополитические акторы все-таки чаще всего вынуждены прибегать к юридическим возможностям государства для закрепления своего индивидуального геополитического расширения.

Распад СССР, мировой системы социализма и последовавшее за этим почти двадцатилетнее безраздельное господство единственной оставшейся сверхдержавы – США – позволили великим державам беззастенчиво осуществлять «новый империализм», не опасаясь противодействия, ранее осуществлявшегося со стороны социалистического блока.

Но если мир возвращается – на новой основе – к древнему принципу «все можно», дополненному таким же древним правом силы, то мы получаем вместо *balanced international relations – dynamic intra-global relations* [Denemark, 1999]. Говоря по-русски, возрастает неопределенность мирового и локального развития, появляется «открытость результата»,

растет непредсказуемость мирового развития. В условиях традиционной геополитической экспансии, осуществлявшейся государствами в отношении друг друга, сильное государство заведомо выигрывало и входило в пространства слабого, как нож в масло. Теперь же, в мире глобализации актор слабый и вообще не государственный, вооруженный современными коммуникативными, информационными и военными

технологиями может реально расширяться в геополитическом пространстве не просто сильного, но сверхсильного актора.

Постмодерн и глобализация наступили после победы либерализма в холодной войне с нелиберальным миром, отождествлявшимся с мировой системой социализма. Эти явления – выражение разрушения баланса сил и образования однополюсного мира, в котором господствует победивший либеральный Запад. Причем, впервые в мировой истории единственная оставшаяся

сверхдержава и ее западные союзники обладают абсолютной глобальной мощью, т.е. могут навязывать свои ценности всем остальным. Хантингтон выразил это в формуле *the West and the Rest*.

После победы действует два принципа: «победителей не судят» и «горе побежденным». Применительно к рассмотрению геополитической экспансии это означает, что ныне победители осуществляют селекцию акторов экспансии на «чистых», т.е. свободолюбивых и приверженных демократии, и «нечистых», т.е. приверженных авторитаризму. Первые могут и должны осуществлять экспансию относительно вторых во всех видах пространств, а последние – нет, а если попробуют – будут наказаны (судьба бывшей Югославии, Ирака, угрозы в адрес Ирана, Сирии, Северной Кореи).

Является ли такое положение уникальным в мировой истории? С одной стороны – нет, потому что всегда существовало неравенство мощи и навязывание слабым своих правил игры. С другой стороны – да, поскольку на современном этапе мощь некоторых акторов геополитической экспансии приобрела глобальный характер, что и позволяет им навязывать себя и свои культурные и цивилизационные принципы всему остальному миру.

Где же здесь признание равенства прав и уважение прав иного? Да и откуда ему взяться в реальной борьбе за ресурсы развития, прежде всего – невозобновляемые природные ресурсы?

Парадоксальность глобализации отмечает Н.М. Ракитянский [Ракитянский, 2002]. С одной стороны, западный мир закрывается, доказательством чего служит, например, то, что 72% мировых иностранных инвестиций приходится на капиталовложения США,

ЕС и Японии в экономику друг друга. С другой стороны, либеральные принципы развития все глубже проникают в культуру стран остальной части мира. Развитые страны все больше производят информационный продукт, оставляя на долю остальных снабжение их материальными ресурсами. Запад стал средоточием не только high tech, но и high hume. Страны, не способные к high tech/high hume, выводятся за пределы информационной цивилизации и становятся ресурсным элементом.

Страны Севера, прежде всего США, заговорили о «мире без границ», где преобладают нормы либерально-демократической политической культуры. В то же время в странах Юга религиозные и политические лидеры стали рассматривать этот принцип как угрозу своей национально-культурной идентичности и традиционному укладу жизни. Это стало одной из причин роста активности террористических организаций, направивших свою деятельность против развитых стран, их дипломатических представительств, военных объектов и простых граждан.

Глобализация в эпоху Постмодерна – это глобализация экспансии актора, обладающего чрезвычайной мощью, не виданной прежде. Чем могут ответить акторы, не обладающие глобальной мощью? Взять на вооружение принципы Постмодерна – такие, как моральный цинизм, вседозволенность, дисперсность – и противостоять глобальной мощи максимализмом террора индивидуализированных или групповых акторов. В этих условиях, естественно, balanced system геополитики Модерна превращается в dynamic system геополитики Постмодерна с открытым итогом существования и функционирования. В этом смысле открыт и не определен и очередной этап развития геополитической экспансии как процесса, а также ее будущие черты как развивающегося социального института.

Очевидно, что США – это несомненная и единственная сверхдержава современного мира. В современный исторический период экспансия, осуществляемая США, превосходит по совокупной мощи экспансию всех других государств мира. Тем не менее, реальные угрозы изменения, точнее – восстановления баланса сил со стороны региональных сверхдержав Европы (Германия) и Азии (Япония, Китай) заставляют США, несмотря на сохраняющуюся роль единственной глобальной сверхдержавы, озаботиться дополнительной поддержкой своих экспансионистских усилий и приложить усилия по созданию своеобразного пула англосаксонских держав: США, Канады и Великобритании. Их главное общее достояние – единый язык, чего нет в Европе и Азии. «Если США и остальной англоязычный мир смогут совместить свою мощь, они обеспечат создание единого силового центра, вокруг которого будет создано новое мировое сообщество». [Уткин, 2002: 215]

Таким образом, мы видим, что в современном мире геополитическая экспансия великих держав и даже глобальной сверхдержавы не может больше осуществляться в одиночку. Требуется более тесный, чем политический, союз – союз культур, союз менталитетов – то, что Лист некогда называл «большим пространством». В этом – еще одна особенность геополитического мира Постмодерна. Если в мире Модернити «большое пространство» было формой защиты от геополитической экспансии, то в мире Постмодерна «большие пространства» приобретают еще одну функцию – они становятся формой осуществления экспансии.

Итак, на сегодняшний день сформировался не просто индивидуальный имперский актор – таковые существовали на всех этапах человеческой истории, – но некая коллективная империя, получившая название Унилатералия. Глобализация – это экспансия, осуществляемая странами Унилатералия совместно, поскольку их коллективный интерес – глобальное использование ресурсов для поддержания и развития высокого уровня жизни внутри сообщества «золотого миллиарда». Это не отменяет индивидуальных национальных геополитических интересов и индивидуального геополитического поведения отдельных великих держав (так, Германия и Франция на первом этапе не поддержали военную кампанию США и Великобритании в Ираке в 2003 г.). Однако, в целом, имперское ядро современного мира целенаправленно осуществляет коллективную имперскую политику в отношении стран мира, уступающих Унилатералию по совокупной мощи.

Возможна ли в этих условиях реальная демократизация международных отношений?

Разумеется, нет, так же, как она была невозможна всегда.

Однако, отдельные аспекты демократизации государств более низкого геополитического статуса, представляющие реальную базу для осуществления всепространственной экспансии стран Унилатералия, будут этими последними поддерживаться и развиваться.

Перевороты, называемые ныне «цветными революциями», для того чтобы подчеркнуть их демократический характер и показать, что они являются истинно всенародной потребностью – очень эффективная форма контроля пространств. В результате переворота в конкретной стране более мощное государство-экспансионист может получить целый спектр геополитических возможностей: от размещения военных баз и получения выгодных концессий до полного контроля всех видов пространств данного государства. Разумеется, далеко не каждый переворот имеет геополитическую подоплеку и инициируется геополитическим противником, однако в современный период времени политические перевороты активно используются именно в качестве геополитической технологии. Эта форма контроля геополитических пространств

позволяет осуществить геополитическую экспансию без применения такой дорогой в финансовом плане, затратной в аспекте человеческих жертв и осуждаемой международным правом технологии, как силовой захват. Тем более, что попытка силового захвата государства, обладающего ядерным оружием, грозит как ответным ударом, так и загрязнением обширных географических пространств. Гораздо удобнее и дешевле обойтись сменой главы государства или изменением состава и функций трех основных ветвей государственной власти. Эта форма контроля пространств удобна главным образом потому, что реальный актор переворота анонимен, его истинное лицо можно только угадывать. Таким образом, перевороты вполне можно маскировать под народные революции или, как минимум, народные восстания против коррумпированной власти.

Особенно эффективна такая разновидность государственного переворота, как бонапартистский, поскольку он имеет внешне правовую форму осуществления. И в бывшей Югославии, и в Грузии, и на Украине, и в Киргизии мы видим одни и те же элементы данной политической технологии: объявление выборов сфальсифицированными, массовые многотысячные митинги протеста сторонников недовольного претендента, захват или блокирование органов центральной государственной власти, давление на высших должностных лиц государства, назначение нового этапа выборов и победа нужного внешним силам претендента, который затем формирует заново органы государственной власти.

Бонапартистские перевороты являются частью более обширной геополитической технологии – так называемой «тактики анаконды», когда страны с марионеточными политическими режимами окружают геополитического противника и не позволяют ему реализовать его собственные интересы в данном регионе. Таким образом, сторона, стимулирующая перевороты, получает возможность осуществить геополитическое расширение (экспансию), а ее геополитический противник оказывается в состоянии геополитического сжатия (контракции). В случае переворотов в Югославии, Грузии, Украине и Киргизии мы наблюдаем применение тактики анаконды против России. Эти перевороты сужают геополитическое пространство России и снижают возможности ее контроля над бывшими составными частями и союзниками СССР.

Итак, мы являемся пессимистами в отношении перспектив реальной демократизации международных отношений, поскольку реальная демократия как взаимное уважение прав возможна только во взаимоотношениях равных партнеров, т. е. акторов геополитического процесса, обладающих примерно одинаковой совокупной мощностью. Неуничтожимый интерес обладания ресурсами, особенно ресурсами невозобновляемыми, природными, делает неизбежным имперское поведение великих держав как государств, имеющих превосходящую совокупную мощь в сравнении с большинством других государств.

При этом необходимо подчеркнуть, что империя – естественный результат геополитического расширения жизнеспособного (пассионарного) государства или негосударственного геополитического актора. Тем не менее, понятия “империя”, “имперские амбиции” используются в геополитической борьбе как синонимы агрессивных намерений и неправильного политического поведения. При этом обвинителями выступают как раз государства-экспансионисты. Так, современные США называют империями все государства и государственные образования, способные противостоять американской гегемонии. При этом союзники США, осуществляющие геополитическое расширение, называются не империями, а “единицами политическими нациями”. Двойной стандарт в именовании государств позволяет обелять геополитическое поведение “чистых”, “правильных” государств и поощрять геополитическое сжатие и дробление “нечистых”, “неправильных”, ослабляя тем самым геополитических соперников.

В любом случае на всех этапах человеческой истории сохраняются государства с большей и меньшей совокупной мощностью, и продолжит свое действие так называемая аксиома Фукидида, сформулированная еще в V веке до н.э.: “Сильные делают то, что им позволяет их мощь, а слабые принимают то, что должны принимать”.

1. Неклесса А. 1999. Конец цивилизации или конфликт истории? // Мировая экономика и международные отношения. № 3.
2. Ракитянский Н.М. 2002. Россия и вызовы глобализации. // Социс. № 4.
3. Уткин А.И. 2002. Мировой порядок XXI века. М., «Алгоритм»..
4. Denemark R. 1999. World System History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations. // International Studies Review. Summer.